

УДК 165

Е.В. Середкина

**СОБЫТИЙНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО М. ХАЙДЕГГЕРА
В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОНАУКИ И ЭВОЛЮЦИОННОГО
КОНСТРУКТИВИЗМА**

Предпринимается попытка очертить контуры философской топологии в контексте технонауки и программы эволюционного конструктивизма, опираясь на работы позднего Хайдеггера и концепцию автопоэзиса (autoroeisis) Варелы–Матураны. Новое понимание пространства так часто приходило из физики в «готовом виде», что философская мысль в какой-то мере отвыкла от самостоятельной трактовки темы. Пришло время для философов подвергнуть рефлексии теорию возможных миров, дотемпоральную динамику и характер связи между пространством и временем в науке постнеклассического типа.

Ключевые слова: технонаука, философская топология, эволюционный конструктивизм, автопоэзис, событие-Ereignis.

Современная философия науки характеризуется тотальным «забвением бытия» и разворачивается на фоне абсолютного триумфа парадигмы конструктивизма. Изначально плодотворное и логически обоснованное познание в рамках проективно-конструктивного отношения к миру со временем вырождается до откровенного эпистемологического солипсизма и прагматического инженерного манипулирования с природными, искусственными и гибридными объектами. Напомним, что «конструирование» мира противостоит его «открытию» и является специфической (пост-античной) связью человека с бытием, где технике отводится главенствующая роль. Одним из первых на это указал М. Хайдеггер, разработавший «онтологию технического конструирования мира», по меткому замечанию Г. Гильденбрадта [1. С. 9]. В последние десятилетия идет активный процесс преодоления чисто спекулятивной и манипулятивной природы науки в пользу более сложной, трансдисциплинарной, завязанной на деятельности активного субъекта.

Общеизвестно, что научное знание сегодня в значительной степени зависит от специфического и в высшей степени сложного делания, а фактически объектами научного исследования являются те стороны природы, которые можно «вырезать» из нее посредством соответствующих операциональных процедур. И если первую фазу развития науки можно связать с успехами в математике, то на современном ее этапе фундаментальные прорывы стали возможны, прежде всего, благодаря симбиозу с высокими технологиями и сложной экспериментальной техникой. Поэтому правильно называть современную науку *технонаукой*.

Основной характеристикой технонауки является ее неразрывное переплетение собственно исследовательской деятельности с практикой создания и использования современных NBIC-технологий. Главным стержнем производства знания сегодня становится уже не академическая лаборатория, а иссле-

довательские и опытно-конструкторские подразделения крупных корпораций. Такое смещение акцента естественным образом ведет к коммерциализации науки и превращению ее в бизнес-проект. Формируется трехсторонняя связка «наука – технология – бизнес», которая представляет собой не навязанное извне эклектическое образование, но качественно новую интегрированную структуру. В свою очередь, переформатирование социальной среды технауки, вовлекающее эту последнюю в совершенно новые практические контексты, создает условия для изменений в методологии научной деятельности и трансформации субъекта познания.

Сегодня требуется мышление нового типа, способное бросить вызов пониманию неопределенности, сложности, контекстуальности, мышление, свободное от традиций редукционизма, прогрессизма, универсализма. Основы эволюционного холизма формируются в современной науке в контексте эволюционно-синергетического подхода, который распространяется не только на область природной и социальной реальности, но и на когнитивную сферу.

Выделяются два основных подхода: 1) фундаменталистский, претендующий на познание независимой от сознания реальности, и 2) конструктивистский, в котором вектор исследования знания смещен от «знания что» к «знанию как». На данный момент существует много форм конструктивизма – социальный, радикальный, эпистемологический и т.д. На наш взгляд, наиболее плодотворным для науки постнеклассического типа является конструктивистский реализм В.А. Лекторского, в котором снимается противостояние реализма и конструктивизма.

Опираясь на аргументы В.А. Лекторского и эволюционную эпистемологию, И.В. Черникова формулирует программу *эволюционного конструктивизма*. Эволюционный конструктивизм, основываясь на установке реализма, исходит из того, что мышление не открывает объекты и не создает их, а скорее извлекает из реальности то, что соотносимо с его деятельностью. При таком подходе круг «мир находится в мозгу, а мозг в мире» преобразуется в эволюционную спираль. В эволюционном конструктивизме такие понятия, как «реальность», «субъект», «объект», «знание», «познание», обретают новый смысл. То, что мы называем объективной реальностью, – не внешняя реальность, по отношению к которой субъект, ее познающий, занимает внешнюю позицию. Это реальность, в которой дихотомии теряют свой смысл: материи и сознания, субъекта и объекта, внешнего и внутреннего. Это реальность – процесс, в котором человек с его когнитивным аппаратом и нормами деятельности – звено и участник. При таком подходе реальность не внешняя данность и не внутренняя, не ментальная конструкция, это реальность, образующаяся на границе внутреннего и внешнего, на пересечении [2].

Близкую позицию развивает Д. Деннет, применяя функционалистский подход не только к трактовке сознания, но и к познанию, понимая его как конструирование в соответствии с законами и запретами эволюции, как инжиниринг знания. В его трактовке познание – это одновременно и метафизика, которую называют «метафизикой дизайна». Это своего рода демиургическая онтология.

Онтологический принцип достраивания бытия. Проективно-конструктивное отношение к миру базируется на христианских установках до-

страивания бытия и *само-совершенствования* человека («Человек – это ничто, способное стать всем»), коррелирующие с пафосом демиургической онтологии. В ярком виде демиургическая онтология представлена, например, в технической теодицее Ф. Дессауэра, согласно которой миссия технического человека (инженера) – стать со-участником, со-творцом Бога и способствовать обогащению наличного состава бытия [3. С. 16].

Сегодня онтологический принцип достраивания бытия ярко выражен в учении Варелы–Матураны. Сама познавательная ситуация характеризуется учеными как автопоэтический процесс (слово «автопоэзис» происходит от греческих слов *autos* – «само» и *poiesis* – «достраивание»). Философским языком такой познавательный акт обозначается как конституирование бытия сознанием и сознания бытием (жизнью). Суть учения Варелы–Матураны можно выразить следующим образом: приоритет *идентичности* над *репродукцией*. Отсюда Варела определяет познание как действие, направленное на нахождение того, что упущено, и восполнение недостающего с точки зрения когнитивного агента. Другими словами, речь идет о самодостраивании целостности. Познание в его отношении к жизни представляет собой «узнавание» нарушения, а жизнь дает ответ на это нарушение, устраняя обнаруженные неполадки.

Концепция возможных миров и философская топология. Для более глубокого анализа нелинейной коммуникации «человекообразных» объектов сложной средой рассмотрим концепцию возможных миров в современной науке и философии. На наш взгляд, она может усилить позиции эволюционного конструктивизма и поможет очертить первичный контур *философской топологии*, базирующейся на событийной онтологии Хайдеггера и учении об автопоэзисе Варелы–Матураны.

Напомним, что теоретическая физика с момента своего зарождения занималась построением возможных миров. Физики строили модели физического мира, полагая, что один из них имеет базовый (фундаментальный) уровень. Все изменилось во второй половине XX в., когда ученые осознали, что принципиальная незавершенность мира означает невозможность единственной истины, сколь бы она ни приближалась к некоему «абсолюту». Сегодня этот подход обнаруживает свою актуальность в самых различных сферах, в том числе в космологии и физике элементарных частиц. Поворотным пунктом здесь явилось понимание того, что Большой взрыв есть точка онтологического «выбора» между возможными мирами. (Флюктуирующий вакуум, теория струн и другие современные космологические идеи обнаруживают явную связь с синергетической парадигмой и принципом глобального эволюционизма).

И здесь мы переходим к онтологической составляющей этой проблемы. Всякая онтологическая возможность укоренена в актуальном бытии. Отсюда возникает неизбежная дилемма: если *возможные* миры не присутствуют каким-то образом в нашей Вселенной, то они остаются лишь *воображаемыми*; если же эти миры имеются в наличии (актуализированы), то перестают быть возможными. Выход из этой дилеммы С.Н. Жаров и Н.А. Мещерякова предлагают на путях обращения к *пространственным структурам и симметриям*. Нашему актуальному миру соответствует пространство, фигурирующее сегодня в современных физических и математических теориях. Новые типы

симметрии (своего рода пространственные каркасы возможных миров) могут присутствовать здесь, будучи связаны с дополнительными пространственными характеристиками.

Для философов расширенное понимание физического пространства открывает новые горизонты в контексте парадигмы эволюционного конструктивизма. В этой связи необходимо актуализировать и форсировать разработку философской топологии. «Для гуманитарной мысли более загадочным всегда выглядело время, несущее на себе всю интригу человеческого бытия – жизнь и смерть, конечное и бесконечное, мгновение и вечность. Пространство же соответствовало характеру природного бытия и рассматривалось прежде всего в связи с науками о природе» [4. С. 274]. Различие в судьбах пространственной и временной проблематики обнажает онтологическую границу: философия XX в. в лице Уайтхеда, Бергсона, Хайдеггера раскрывает глубокий смысл *темпоральной* трактовки бытия и человеческого существования с его спонтанностью, незавершенностью, необратимостью. Потом эти темпоральные прозрения проникли и в естествознание и, возможно, повлияли на становление синергетического мировоззрения.

Сложнее дело обстоит с пространственной проблематикой – здесь налицо некая инертность собственно философской онтологии при чрезвычайном разнообразии конкретно-научных идей и гипотез. Правы С.Н. Жаров и Н.А. Мещерякова, когда говорят, что новое понимание пространства так часто приходило из физики в «готовом виде», что философская мысль в какой-то мере отвыкла от самостоятельной трактовки темы. Философы должны подвергнуть рефлексии теорию возможных миров. Мысль возможных миров есть попытка понять значение пространства в контексте проблемы становления новых форм. Отсюда можно идти дальше, чтобы увязать пространство и время и постигнуть характер их связи в постнеклассической науке.

Общеизвестно, что в точке бифуркации нет последовательности свершившихся событий, а значит, понятие времени теряет смысл. Но если время здесь отсутствует, встает вопрос, что предпослано появлению времени? В философском плане понятно, что времени предпослано бытие. Однако бытие не может быть совершенно лишено движений и некоей первичной структуры. Это подводит нас к мысли о пространстве возможных порядков, заключающем в себе первичную, до-темпоральную динамику. Конечно же, это своего рода онтологическая интуиция. Но она соответствует тренду развития современной науки, обнаруживающей нетривиальные связи между возможностью и действительностью, хаосом и порядком, бытием и временем.

Можно ли от физической топологии перейти к философской? Попробуем осуществить такой «переход» на основе событийной философии Хайдеггера. Но сначала определимся, чем Хайдеггер «Бытия и времени» отличается от Хайдеггера эпохи «Очерков философии. О событии» (*Beitraege zur Philosophie. Vom Ereignis*) [5].

Поворот (Kehre) в мышлении М. Хайдеггера. Французский исследователь позднего Хайдеггера Ж. Гранден отмечает следующий факт: когда делаешь резкий переход от «Бытия и времени» к поздней философии Хайдеггера, возникает такое чувство, будто совершаешь то, что греки называли метабазис, т.е. переход во вселенную совершенно иного дискурса. (Некоторые ученые

типа О. Пёггелера ведут речь даже о метаноёе-обращении, в котором отчетливо звучит религиозная коннотация). В любом случае в работах позднего Хайдеггера меняется все: и форма, и содержание. «Кажется, что распадение философского дискурса, подготовленное афоризмами Ницше, захватило и этот последний систематический ум» [6. С. 14].

Следует также зафиксировать принципиальное значение библейской семантики и лексики при изучении «Очерков философии». Н.З. Бросова отмечает, что «начиная с основной хайдеггеровской темы бытия, которой начинается Ветхий Завет, и с самого подзаголовка работы, отсылающего к Новому Завету, весь текст в сложном, но продуманном порядке *реагирует* на феномен Священного писания» [7. С. 37]. Поэтому учитьвание библейских аллюзий представляется не просто оправданным, а необходимым. Важный импульс к их пониманию задает замечание фон Херрманна о том, что в «Очерках философии» *страх* противопоставляется аристотелевскому *удивлению*, с которого, как известно, и начинается древнегреческая философия. Страх как начальный импульс в сочетании со сдержанностью действительно говорит о принципиально ином способе миропонимания и мироощущения.

Эпоха «постава». Бытие больше не хочет ничего говорить – вот вердикт Хайдеггера. Ведь теперь в расчет принимается только сущее. Только с сущим и нужно считаться. Расчет, подсчет, калькуляция – это стремление заполучить в свое распоряжение сущее, подчиненное могущественной воле человека науки и техники, ставшего субъектом. Только сущее поддается такому проекту господства. Бытие же ускользает от этой властной хватки, оно свидетельствует о конечности властной воли. Эпоха, где нет ничего, кроме сущего, а бытие сводится до ничто, и есть эпоха нигилизма, этого «последыша метафизики». А это и есть эпоха «постава» (Gestell), абсолютное царство техники.

В этом смысле сегодняшнее планетарное царство техники закономерно. Но на каком-то этапе ее развития что-то пошло не так, начался процесс агрессивного размывания первоначальной культуры *technè*, нарастание антигуманных тенденций. Истоки этого кризиса Хайдеггер видит в первоначальных интенциях платонизма, способствующего «превращению бытия как *aleteia* в бытие как *idea*», в результате чего радикально меняется «сама сущность человека и его связь с миром» [8. С. 183]. Как следствие, человек уже не пастух бытия, но господин *посю*-стороннего мира.

Хайдеггеровская топология. Необходимо снова вспомнить главную идею «фундаментальной онтологии» и аналитики *Da-sein* Хайдеггера. Он разводит бытие и сущее. Практически все исследователи хайдеггеровского наследия говорят о том, что программа, намеченная философом в книге «Бытие и время», осталась нереализованной. Но давайте задумаемся – а могла ли она быть реализованной, если время коррелятивно определенному оформленному сущему? Так, может быть, именно пространство (а не время) спасет акцентированное Хайдеггером онтологическое различие бытия и сущего? Так или иначе, философии придется задуматься о пространстве.

Хайдеггер предугадал вектор развития науки и философии начала XXI в.: актуальность уже не темпоральной трактовки бытия, но прорыв к топике. Недаром в его поздних работах почти совсем исчезает темпоральная понятийная сетка, а на ее месте появляются следующие слова-маркеры хайдегге-

ровской топологии: «путь», «поворот», «изгиб», «колея», «тропа», «окольный путь», «проселочная дорога» и т.д. При этом Хайдеггер отмечает связь топоса и мгновения. Поворот допускает трансформацию человеческого существования (Dasein), потенциально причастного предельности бытия, в его актуальную форму Вот-бытие. Вот-бытие есть философский топос бытия, избранное пространство человеческого духа, на котором может осуществиться упомянутая выше «коммуникация» человека с бытием. Этот кульминационный трансцендирующий акт есть событие бытия.

Так, Н.З. Бросова подчеркивает, что помимо топологического аспекта (метафорического «места») оно подразумевает аспект длительности, временной параметр. Сохраняя безусловную значимость темпоральности в трактовке человека и бытия, Хайдеггер сосредоточивается теперь на мгновении как уникальном феномене, который может сопоставляться с временным горизонтом, но вместе с тем не может быть интегрирован в него. Событие предстает поэтому в неразрывной связке места и момента свершения, хронотопом, в роли которого выступает Вот-бытие, т.е. внимающий бытию человек. Другими словами, в поздних работах философа присутствует уже другая связь между временем и пространством: она порождает со-бытие (Ereignis) и становится главной темой позднего Хайдеггера.

Хайдеггеровское Вот-бытие (Da-sein) может быть прочитано в контексте концепции Варелы–Матураны, чья теория автопоззиса является базисной в процессе становления новой модели науки. Напомню, что в современной философии сознания появляется новое представление о телесной природе сознания (embodiedmind). Эта тенденция указывает на необходимость учета телесных детерминант духовной деятельности и познания. Настоящий подход радикально противоположен картезианской дихотомии тела-машины и мыслящего сознания. Тело и сознание, а также познающее тело и среда его активности связаны друг с другом петлями круговой, циклической причинности. Раньше говорили, что познание теоретически нагружено, то сегодня познание телесно нагружено. Только от «отелесненного» сознания можно прыгнуть в единичность и уникальность. Тело в локусе, оно территориализовано. Отсюда – прорыв к топике.

Телесность сознания тесно связана с представлением о его ситуационности, событийности. «Телесное означает территориализованное, расположенное в определенном пространстве жизни, которое топологически и темпорально структурировано» [9. С. 33]. Всякий когнитивный акт расширяется в некую ситуацию, обладающую определенными топологическими свойствами; он осуществляется здесь и теперь.

Прорыв к философской топологии есть своего рода «философия нового начала» М. Хайдеггера, зафиксированная им в «Очерках философии»: «Время систем закончено. Время построения сущностных гештальтов становящегося из истины бытия еще не наступило» [10. С. 5]. В этой программной короткой фразе «запечатаны» смыслы основных трендов постнеклассической науки в форме эволюционного конструктивизма и демиургической онтологии. Наша задача – распаковка этих смыслов и их дальнейшая творческая интерпретация.

Литература

1. *Hildenbrandt H.* Weltzustand Technik: ein Vergleich der Technikphilosophien von Günther Anders und Martin Heidegger. Berlin: Metropol, 1990. S. 9.
2. *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 71–79.
3. *Середкина Е.В.* Анализ «линии Дессауэра» в современных исследованиях по философии техники // Социально-гуманитарное знание. 2010. №10. С. 10–16.
4. *Жаров С.Н., Мещерякова Н.А.* Будущее науки: в поисках новой онтологии природы // Будущее фундаментальной науки. М.: URSS, 2011.
5. *Beitraege zur Philosophie (Vom Ereignis)* // Gesamtausgabe. Bd 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1994.
6. *Гранден Ж.* Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. СПб.: Русский мир, 2011.
7. *Бросова Н.З.* «Вопрос о Боге» в хайдеггеровской философии 30-х гг. // Credo New. 2009. №4.
8. *Seubold G.* Heideggers Analyse der neuzeitlichen Technik. München: Verlag Karl Alber Freiburg, 1986.
9. *Князева Е.* Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФ РАН, 2004.
10. *Beitraege zur Philosophie (Vom Ereignis)* // Gesamtausgabe. Bd 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1994.